

Гарри Поттер поставил маркер между страницами книги, которую читал, и откинулся на спинку кресла, потирая при этом глаза обеими руками. Он взглянул на часы, поняв, что до отъезда осталось не так много времени. Он поднял ноги и поставил ступни на кофейный столик перед собой, стараясь не перевернуть стопку книг, стоявшую высоко у края стола, или грязную тарелку, на которой все еще лежали остатки вчерашнего ужина. Покинув Хогвартс, он провел последние три дня, изучая книги и журналы, пытаясь лучше понять ликантропию и все последствия существования оборотня. Исследования обычно не были его сильной стороной, но в этом случае он был благодарен за то, что отвлекся.

После ссоры с Гермионой он просто почувствовал потребность уйти ото всех, чтобы уделить немного времени самому себе, чтобы обдумать все, что произошло. Он знал, что Гермиона не хотела его ранить, и он даже мог понять, почему она была на него расстроена, но он не мог противостоять ее возмущению прямо сейчас и должен был уйти. В данный момент у нее было достаточно дел, и его присутствие явно отвлекало ее от реальной проблемы; а именно ее смирение с тем, что она проклята как оборотень.

Еще одна вещь, с которой ему нужно было разобраться, это то, что делать со своей жизнью. С момента своего рождения он был отмечен судьбой, и вся его жизнь была направлена на исполнение этой судьбы. Теперь, когда он победил Волдеморта, ему пришлось иметь дело с чем-то еще более устрашающим, чем Темный Лорд.

Что, черт возьми, мне теперь делать?

Он также почувствовал укол сожаления, что решил уйти, не поговорив сначала с Джинни. Он знал, что их отношения были приостановлены до тех пор, пока Волдеморт не будет побежден, и теперь, когда он выполнил эту задачу, он прекрасно понимал, что она заслуживает большего, чем он дал ей до сих пор. По крайней мере, она заслуживала объяснения его поведения. Он подозревал, что ее терпение не должно — не может — восприниматься как должное. Но он также осознавал глубокое чувство анти-кульминации после победы над Волдемортом, и часть его теперь начала понимать, что недавние события истощили его как эмоционально, так и физически и психологически. Он задавался вопросом, была ли его тоска по Джинни в прошлом году вызвана искренней привязанностью и влечением или просто попыткой ухватиться за какую-то нормальность в мире, который сошёл с ума.

Таким образом, он вылетел из больничного крыла и решил уйти с мириадами противоречивых эмоций. Он направился прямо на кухню Хогвартса и нашел Кикимера, приказав маленькому эльфу аппарировать его прямо на площадь Гриммо. Затем он поспешно написал записку Гермионе и одну профессору МакГонагалл и попросил Кикимера оставить письма там, где их обнаружат. Затем он приказал ему абсолютно никому не говорить, где он находится, и установить защиту дома, которая не позволяла бы никому, кроме него самого, войти. Кроме того, он поручил своему домовому эльфу сообщить ему, когда должны состояться похороны тех, кто погиб в битве за Хогвартс.

Он также знал, что Кричер обладал достаточным интеллектом, чтобы сообщить ему, если в школе происходит что-то действительно серьезное, и поэтому он устроился на период изоляции. Это было то, что ему было нужно.

Только после того, как маленький эльф исчез, чтобы выполнить свои указания, он обдумал причины своего возвращения на площадь Гриммо. Это был не тот дом, который хранил для него счастливые воспоминания, и только когда он исследовал мотивы своего прихода сюда, он понял, что это был вдохновенный выбор. У Блэков в доме была обширная библиотека — обширная темная библиотека. Он немедленно приступил к поиску всех книг об оборотнях, ликантропии и лунной астрологии. Вскоре Гермионе предстояло измениться, и он хотел — должен был — узнать все, что можно было узнать об этом состоянии к тому времени. Он знал, что она сделает то же самое в Хогвартсе, но хотел удовлетворить собственное любопытство. Это был один раз, когда он хотел провести исследование для себя.

Он подобрал свою стопку заметок и аккуратно сложил раскиданные бумаги в аккуратную стопку, словно готовясь перетасовать колоду карт. Он сделал множество заметок, и ему с мрачной забавой пришло в голову, что он не изучал так интенсивно ни один из своих предметов в школе. Он с опозданием понял, что Гермиона все это время была права; тяжелая работа и учеба окупилась, потому что теперь он считал, что знает о ликантропии столько же, сколько и кто-либо другой, кроме самих оборотней. Это было единственное, чего ему не хватало; каково это на самом деле быть оборотнем. Он знал, что он практичный человек — скорее деятель, чем мыслитель, — и что временами он может больше полагаться на свои эмоции и инстинкты, чем это ему нужно. Но всю свою жизнь ему нужно было понимать людей — узнавать, что люди чувствуют, а не то, что они думали, и — при всей полезности лежащих перед ним томов — ни один из них не рассказал из первых рук, каково это — быть настоящим оборотнем.

Он грустно вздохнул, внезапно подумав о Ремусе и о том, как сильно ему будет его не хватать. Он любил Ремуса, считал его дорогим другом, но только сейчас понял, как мало знал об этом человеке. Он совершенно не знал, на что похожа жизнь Ремуса; с чем ему приходилось иметь дело каждый день; каково это быть проклятым. Был ли он нормальным большую часть месяца и потерял контроль только в полнолуние? Или он боролся с зовом волка, его жизнь была постоянной борьбой за сохранение контроля. Книги размышляли об этом — некоторые из них даже содержали интервью с оборотнями, — но ни в одной из них не удалось передать, что на самом деле значит быть оборотнем.

Он знал, что оплакивал бы потерю Ремуса в любом случае, но сейчас он чувствовал себя особенно горько, потому что знал, что его друг спокоен и авторитетен; его интеллект, проникательность и, прежде всего, его человечность были бы неоценимы для Гермионы в ее борьбе с тем, что произошло. Не в первый раз в жизни он проклинал судьбу, которая, казалось, причиняла вред всем, кто ему дорог. Сегодня он собирался присутствовать на похоронах Ремуса и Тонкс и, еще раз взглянув на часы, понял, что ему нужно будет уйти через несколько минут.

Он снова обратил внимание на свои заметки и начал их перечитывать, особенно тщательно изучая те абзацы, которые он подчеркнул, считая информацию, содержащуюся в них, важной. Он был особенно удивлен, узнав о разнице между укусами полностью трансформированного оборотня и еще в человеческом обличье. Он смутно осознавал, что существует разница из-за ограниченных симптомов, проявляемых Биллом, но он понятия не имел, насколько глубоки эти различия. Пока Билл нес проклятие, он все время сохранял контроль над собой, даже в полнолуние. У Билла действительно были некоторые качества росомехи — согласно книгам, у него теперь должно было быть обостренное обоняние и зрение; и у него будет чутье — почти

«шестое чувство», — которое предупредит его об опасности. Но помимо этого, Билл был совершенно нормальным. С другой стороны, Ремус испытал бы что-то совсем другое. Согласно книгам, в полнолуние волк полностью брал верх. Все разумные и познавательные мысли вылетели из окна, когда зверь взял на себя управление. Гарри вспомнил свой собственный страх и ужас, когда на третьем курсе он увидел, как Ремус потерял контроль над собой. Если бы не вмешательство Сириуса в ту ночь, Ремус разорвал бы всех в клочья — люди, которых он любил и о которых заботился, были бы растерзаны его собственной рукой. Даже когда не было полнолуния, Ремус все равно чувствовал зов дикой природы; скрытое примитивное стремление выпустить на волю зверя внутри. Когда приблизится полнолуние, он окажется в еще большем стрессе; задача сохранения контроля становится все труднее по мере приближения срока родов.

И они еще не знали, с какой природой зверя Гермионе придется столкнуться. Они не узнают до 10 числа, а он знал, что так много зависит от того, трансформировался ли Сивый, когда укусил Гермиону.

И это было другое, что беспокоило его. Ни в одной из книг, которые он читал, он не нашел ничего о том, что оборотни могут менять форму по своему желанию, особенно когда луна не полная. Если бы не тот факт, что именно Билл был так уверен, что видел Сивого в человеческом обличье, а Ремус видел его преобразованным, он бы счел это невозможным. Но он ни секунды не сомневался в Билле; он поверит на слово учебнику в любой день недели.

Это просто оставляет меня с проблемой выяснения того, как Грейбэк справился с этим.

С глубоким вздохом он положил свои заметки на журнальный столик и встал, собирая плащ. Пришло время уходить; пора встретиться с публикой и, что более важно, снова увидеть двух своих друзей. Он нервничал; он боялся внимания, которое, как он знал, он получит, как только появится. Он так и не привык к этому, и он знал, что теперь, когда он навсегда победил Волдеморта, все станет в десять раз хуже. Но если быть честным с самим собой, он больше нервничал из-за новой встречи с Гермионой. Он надеялся, что между ними все уладится, и не хотел сегодня столкнуться с новой инквизицией. Он знал, что рано или поздно ему придется решить свои проблемы с ней, но в данный момент искренне надеялся, что это произойдет «позже».

Бросив последний взгляд на комнату, чтобы убедиться, что он ничего не оставил, он закрыл глаза и сосредоточился, прежде чем с тихим хлопком исчезнуть в намеченном месте.

Рон Уизли в отчаянии выругался, возясь с узлом на галстук в тщетной попытке расправить его и тем самым привести себя в презентабельный вид. Сегодня были вторые похороны, на которых он должен был присутствовать после вчерашнего погребения Колина Криви, и он задавался вопросом, было ли это своего рода наказанием, которое судьба решила обрушить на живых. Оставшимся в живых пришлось хоронить мертвых, и он был уверен, что все присутствовавшие вчера испытали те же противоречивые эмоции горя и облегчения, что и он. Он не собирался ходить на все похороны, но знал, что на некоторые нужно. Колин был первой жертвой, которую похоронили, и поэтому он чувствовал себя обязанным присутствовать на похоронах. Сегодня были похороны друзей — Ремуса и Тонкса — и он никогда не пропустит это.

О, Фред.

Он мысленно вернулся к событиям предыдущего дня и вспомнил сцены ужаса, когда стало очевидно, что Гарри не будет присутствовать. Среди скорбящих было почти возмущение тем, что «избранный» предпочел держаться подальше, и Рон чувствовал на себе и Гермионе множество взглядов, когда они стояли у холодной могилы. Он не думал, что должен быть на таком видном месте. Хотя Колин был соседом по дому и другом, они никогда не были близки, и он чувствовал себя чем-то вроде обмана, когда они с Гермионой заняли видное положение рядом с главными скорбящими. Он знал, что на них двоих смотрели почти как на доверенных лиц отсутствующего Гарри, и теперь он — наконец — начал понимать, с чем пришлось мириться его дорогому другу. К нему и Гермионе относились с почтением — почти с благоговением — за их участие в победе над Волдемортом. Для Гарри все должно было быть намного, намного хуже. За последние несколько дней его имя и образ покрывали почти каждый квадратный дюйм каждой газеты, и, поскольку никто не мог связаться с ним напрямую, средства массовой информации переборщили с дикими спекуляциями. Все теперь хотели кусочек Гарри, и Рон поймал себя на мысли, что они когда-нибудь оставят его лучшего друга в покое.

Когда он вспомнил все те времена, когда обижался на Гарри за его славу, ему стало стыдно. Только теперь он догадывался о цене этой славы и о том, что она на самом деле значила. На похоронах Колина он только что ощутил его вкус; Гарри боролся с этим всю свою жизнь, и теперь все становилось только хуже. Даже у могилы люди спрашивали, где Гарри. Он и Гермиона смогли честно ответить, что понятия не имеют.

Он печально улыбнулся, вспомнив попытки Гермионы выследить Гарри. Она очень беспокоилась о нем и даже позвонила Кикимеру, чтобы получить как можно больше информации. Она рассуждала с ним; уговаривал и уговаривал и, наконец, даже попытался приказать сморщенному маленькому эльфу раскрыть местонахождение Гарри, но Кричер стоял твердо. Он терпеливо объяснил, что его хозяин в полной безопасности, и приказал никому не говорить, где он находится. Кривая улыбка Рона стала шире при воспоминании. Гермиона была близка к слезам, таково было ее раздражение. Она считала, что Гарри прячется на площади Гриммо, но все ее попытки проникнуть в дом были сорваны. Он пытался успокоить ее страхи; предположил, что Гарри вернется, когда будет готов, и что ему, вероятно, нужно какое-то время побыть одному. В настоящее время; вспоминая пристальные глаза на похоронах, он понимал, что Гарри сделал разумный выбор.

Он даже чувствовал негодование некоторых из присутствующих по поводу отсутствия Гарри, но это настроение исчезло после церемонии, когда Гермиона услышала пренебрежительные замечания в адрес их общего друга. Она окружила изумленного человека, который сказал, что отсутствие Гарри было «позором», и сорвала с несчастного человека полоски до тех пор, пока он не вмешался, чтобы осторожно оттащить ее. Он был поражен ее вспышкой, но быстро понял, что это несвойственное ей поведение было полностью вызвано стрессом, в котором она находилась в данный момент. Она справилась со своим укусом, а также с последствиями ссоры с Гарри. Однако он не поставил бы ни единого кнута на то, что вызывало у нее наибольшее беспокойство.

Он тоже был удивлен собственным чувством приличия. Он был в равной степени оскорблен

услышанным замечанием, но ему удалось сдержаться и деликатно увести Гермению, когда он действительно хотел ударить идиота, который сделал это замечание, прямо в его жирный рот. Сделав это, он поймал одобрительный взгляд профессора МакГонагалл и вдруг понял, что делает то, что обещал. Он делал то, что всегда должен был делать; он присматривал за Герменией и был доволен, что ему удалось сдержать слово, данное Гарри; что он будет рядом с ней, когда она будет нуждаться в нем.

И я ей сейчас нужен.

Он решил, что сделает все возможное, чтобы помочь. Гермения так много для него значила, так много для него сделала, что было бы правильно, если бы он сделал все, что в его силах, чтобы облегчить ее страдания. Так что именно по этой причине он обнаружил, что сидит в постели поздно ночью, тайком читая все, что только можно о ликантропии, чтобы лучше понять состояние. Поначалу ему было трудно — он явно не умел читать, — но он почерпнул кое-какую полезную информацию, которая, как он надеялся, поможет ему лучше подготовиться к тому, что ждет впереди. Он уделял особое внимание астрономии, связанной со всем процессом, и примерно в тысячный раз проклинал себя за то, что не уделял должного внимания на занятиях.

Сначала он был в замешательстве. Он боролся с терминологией, и прошло некоторое время, прежде чем он понял разницу между растущей луной (51-99% Луны, видимой с правой стороны) и убывающей луной (51-99% Луны, видимой с левой стороны) . ; что синодический месяц был лунной фазой и длился немногим более двадцати девяти с половиной дней; что четырнадцать синодических месяцев можно назвать циклом полнолуния; что «голубая луна» была третьим полнолунием в сезоне из четырех полнолуний и что нет установленного правила относительно того, как долго длится полнолуние.

Это было много , чтобы принять, и это было только для начала. Но, по крайней мере, теперь он знал, что имел в виду Билл, говоря о том, что полная луна находится между 95% прибывающей луны и 95% убывающей луной. Короткая, нетехническая версия заключалась в том, что Гермение придется иметь дело с полной луной почти три дня, а не один.

Он закрыл глаза, размышляя о том, с чем имеет дело его друг — его девушка. Он знал, что все сведется к тому, в какой форме была Сивая, когда он ее укусил. Жизнь Гермении будет определяться этим простым фактом, и его нетерпение в ожидании начала полнолуния начинало сводить его с ума. Он просто хотел знать; выяснить, с чем именно они имели дело. Неопределенность испытывала терпение всех знающих, и он знал, что Гермение было бесконечно хуже, поскольку в одном из немногих случаев в ее жизни она была совершенно бессильна сделать что-либо, кроме как ждать.

Но он что-то решил для себя; каким бы ни был результат, какими бы ни были последствия полнолуния, он полностью намеревался поддержать свою девушку и оказать ей поддержку, которую она заслуживала.

Это самое меньшее, что я могу сделать.

Кивнув в последний раз, подтверждая свое отражение в зеркале, Рон повернулся и, подобрав по пути плащ, вышел из комнаты и направился вниз по лестнице.

Гермиона Грейнджер сидела, дожидаясь Рона Уизли, в одном из удобных кресел перед камином в гостиной, глубоко задумавшись. Она смотрела на решетку перед ней, хотя пламя не горело, потому что было прекрасное и теплое весеннее утро. К счастью, никто, похоже, не был склонен тревожить ее размышления, и она была благодарна за одиночество, пока размышляла о событиях последних нескольких дней.

Она испытывала постоянное чувство нервозности с тех пор, как узнала, что ее укусил оборотень. Эта нервозность была сопоставима только с разочарованием и нетерпением, которые она испытывала из-за беспомощности своего положения. На этот раз она столкнулась с проблемой, которую нельзя было решить с помощью книг.

Не то чтобы она не пыталась. Она провела много часов в библиотеке, читая о ликантропии, пытаясь собрать новую информацию об этом заболевании. Это не было особенно продуктивным занятием, и она знала — без тщеславия, — что это было связано исключительно с тем фактом, что она уже знала большую часть того, что было написано на эту тему. Когда они прикрыли оборотней в DADA; обсуждала волчью отраву в зельях и изучала луну в астрономии, она, как всегда, обращала внимание. В результате она больше ничего не могла узнать. Было только две вещи, которых она не знала о ликантропии, и она знала, что их нет ни в одной из книг, которые она читала. Первый был как Грейбэк был замечен в обеих формах. Это просто не имело смысла и противоречило всему, что она когда-либо знала по этому вопросу, но она знала, что на этот вопрос не будет простого ответа.

Однако, пока это крутилось у нее в голове, что действительно отвлекало ее, так это другое, чего она не могла найти ни в одной книге. Чего не хватало — чего ей действительно нужно было знать — так это того, что на самом деле значит быть оборотнем.

Она глубже опустила в кресло и вздохнула. Ожидание убивало ее. Пройдет еще несколько дней, прежде чем она обнаружит степень своего проклятия; будет ли она похожа на Билла или столкнется с теми же проблемами, с которыми Ремус боролся всю свою жизнь? Она искренне боялась того, что ее ожидало. Она гордилась своим интеллектом и разумом - своим самообладанием. Она знала, что за эти годы было много случаев, когда эти качества существенно помогли Гарри в его борьбе с Волдемортом, и она гордилась этим. Но теперь она столкнулась с перспективой потерять этот разум; стать примитивным существом и находиться под контролем зверя три дня в месяц. Она закрыла глаза, чувствуя, как желчь подступает к горлу. Это было то, чего она боялась больше всего на свете; потеря контроля, которая стала бы частью ее жизни, если бы она была полностью проклята. Она знала, что оборотни часто кусают себя, если нет жертвы, и это отсутствие рациональности приводило ее в ужас. Вот почему она не действовала сама; почему вчера на похоронах Колина она вышла из себя из-за глупого подслушанного замечания. То, что замечание было о Гарри, тоже не помогло делу; она знала, что часть ее разочарования была вызвана тем, что произошло между ними несколько дней назад.

Она все еще злилась на себя за то, что поссорилась с Гарри и в конечном итоге прогнала его. Она знала, что была эгоисткой; что ее гнев на него был вызван чувством страха перед тем, что могло с ним случиться. Ее память о том, что она чувствовала, когда увидела его мертвым в объятиях Хагрида, все еще мучила ее, и это больше всего вызывало ее гнев. Она все еще думала, что он должен был прийти к ней, прежде чем отправиться на встречу с Волдемортом, но она также знала, что это был не первый раз, когда Гарри действовал в одностороннем порядке, и, вероятно, не в последний раз. Но она скучала по нему и беспокоилась о нем. Несмотря на взгляды Рона на этот счет, она была уверена, что Гарри нужна компания прямо сейчас — или, если точнее; нуждался в ее обществе. У нее была хорошая идея, где он прячется, но ее попытки проникнуть на площадь Гриммо были сорваны. Она даже подвергала Кикимера неоднократным допросам, но маленький эльф отказывался от всех запросов о предоставлении информации и просто уверял ее, что Гарри в безопасности и здоров. Кричер говорил с уверенностью, и поэтому она наконец признала, что с Гарри все в порядке; что его эльф позаботится о нем и не допустит, чтобы с ним случилось что-то плохое. Но разочарования, которое она испытала из-за спокойного отказа Кикимера помочь ей, было почти достаточно, чтобы заставить ее отказаться от SPEW.

Поэтому она попыталась погрузиться в исследования, но это оказалось бесполезным занятием. Книги мало чем могли помочь, и она с сожалением признавала, что это зависело от ее и без того обширных познаний в предмете. Она все еще не могла понять, каково это — потерять контроль, и хотя в некоторых книгах были свидетельства обратное, все они изо всех сил пытались сформулировать, каково это на самом деле — пройти через такое изменение. Прямо сейчас она не чувствовала ничего другого, но прекрасно понимала, что это может измениться в течение нескольких дней. Вскоре она тоже может узнать, что значит потерять контроль.

Единственная полезная информация, которую она почерпнула, касалась юридического/политического аспекта. Магическая политика все еще была для нее чем-то вроде закрытой книги, поскольку система правления была совершенно чужда тому, что она понимала в системе магглов. Ее больше всего поразили несоответствия, характерные для законодательства об оборотнях, и она была поражена тем, что не было ни одного ведомства, которое занималось бы этим вопросом. Она уже знала о Кодексе поведения оборотней 1637 года, но она не осознавала, что оборотней годами переводили между подразделениями Зверей и Существ Департамента по регулированию и контролю магических существ. В какой-то момент Реестр оборотней и Группа по отлову оборотней находились в Подразделении Зверей, в то время как офис Службы Поддержки Оборотней находился в Подразделении Существ. Неудивительно, что статус оборотней был неоднозначным, когда даже само министерство не могло решить, какое ведомство должно ими заниматься. Она также обнаружила, насколько глубоко укоренились предубеждения против оборотней. Одному было практически невозможно получить работу, и ни одному из них не доверяло население в целом. Хотя она думала, что знала Ремуса Люпина, теперь она понимала, как мало она знала о том, с чем ему пришлось смириться за свою короткую жизнь. Необходимость оставить свой пост в Хогвартсе не была исключением; это было правилом для оборотней в обществе, которое отказывалось их терпеть. Это знание испугало ее; она всегда верила, что как только Волдеmort будет побежден, она сможет свободно выбрать свой путь. Казалось, что ей может не так повезти.

Она подняла взгляд, увидев Рона, выходящего из коридора спальни, и, несмотря на ее нынешнее настроение, улыбнулась. Он действительно старался изо всех сил в последние несколько дней, и она была благодарна за его усилия больше, чем могла бы выразить словами. Он уважал ее решение держать свой укус в секрете, пока они не узнают о степени ее

состояния, и развеял ее опасения по поводу Гарри, заверив ее, что ему нужно личное пространство. Он помог ей тем, что в основном был Роном. Быть рядом с ней, вести себя как обычно непочтительно и заставлять ее смеяться. Они также обменялись несколькими нежными поцелуями, и она гордилась им, потому что ее состояние, казалось, не повлияло на то, как он, очевидно, относился к ней. Их отношения были на первых робких шагах, но, казалось, все шло хорошо — если не обращать внимания на отчужденного друга и укус оборотня,

Рон заметил улыбку и вопросительно поднял бровь, но она не была склонна рассказывать ему о черном юморе, который ей сейчас нравился.

«Я просто думаю, что сегодня мы увидим Гарри», — ответила она на его невысказанный вопрос. «Он никак не мог пропустить прощание с Ремусом. Я надеюсь получить шанс как следует извиниться перед ним.

Рон улыбнулся ответу, и ей пришло в голову, что это признак его растущей зрелости, что он, кажется, не обижается на то, что она думает о Гарри. Возможно, его достижения в победе над Волдемортом наконец дали ему уверенность в себе, которой ему всегда не хватало? Она протянула руку.

‘Готов идти?’

Улыбка Рона стала шире. ‘Конечно. Пойдем встретимся с другом, — мягко добавил он, прежде чем взять ее руку в свою и вывести их из комнаты.

<http://tl.rulate.ru/book/81726/2539859>